

Элиас Гримм

18+

СЛАВЯНСКИЙ ХОРРОР

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Элиас Гримм

**Славянский хоррор:
последний рассвет**

«Издательские решения»

Гримм Э.

Славянский хоррор: последний рассвет / Э. Гримм —
«Издательские решения»,

«Славянский хоррор: последний рассвет»: 10 рассказов, сплетённых из древних примет, запретных троп и голосов из прошлого. Погрузитесь в фольклорный ужас, где каждый рассказ — шаг в сердце славянской тьмы, откуда не будет спасения.

Содержание

Призыв	6
Семь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Славянский хоррор: последний рассвет

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2026

ISBN 978-5-0071-3577-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призыв

Туман, словно пропитанный запахом сырой земли и гнили, окутывал лесную дорогу, превращая привычные очертания деревьев в призрачные силуэты. Каждый шаг Артема, Макса, Леры и Игоря звучал в этой гулкой тишине неестественно громко, словно вторгался в чье-то вековое дремотное царство. Игоря, самого молодого и впечатлительного, будто лихорадило. Он жадно вглядывался в серую дымку, где, как ему казалось, таилось что-то злое.

«Да успокойся ты, нет тут призраков», — усмехнулся Макс, потрепав Игоря по плечу. Его голос, всегда звонкий и полный задора, сейчас звучал как-то приглушенно, будто сам лес не желал слышать веселых ноток.

«А вдруг правда?», — прошептал Игорь, отряхивая с рукава несуществующую паутину. «Бабушка говорила, что здесь...»

«Бабушкины сказки оставь для детского сада», — перебила его Лера, поправляя капюшон. Она была той, кто придумал эту затею, подсмотрев в одном из малоизвестных пабликов о городском фольклоре. Для нее это была лишь очередная возможность пощекотать нервы и, возможно, снять эффектное видео для блога. «Трижды обойти камень, что стоит на перекрестке, назвать имя — и явится тот, кого звали. Старая проверка смелости. Ну что, кто первый?»

Ее взгляд остановился на Артеме. Он был самым сдержанным из них, всегда держался особняком, будто хранил в себе какую-то тайну, недоступную другим. Его молчание порождало вокруг него ауру загадочности, которую одни уважали, другие — боялись.

«Я», — коротко бросил Артем, и его взгляд, скользнув по заросшей тропе, остановился на чернеющем на фоне тумана массивном, поросшем мхом камне. Камень этот, казалось, был здесь всегда, свидетель тысяч проходящих мимо жизней, но сам оставался неизменным, как сама земля.

«Не нравится мне этот камень», — пробормотал Игорь.

«Ты просто трусишь», — ехидно заметил Макс. «Артем, давай. Покажи, как надо».

Артем не ответил. Он подошел к камню, огляделся. Друзья стояли позади, их фигуры расплывались в тумане, превращаясь в нечеткие тени. Воздух вокруг становился плотнее, пропитанный каким-то странным, едва уловимым запахом, отличным от лесного — запахом пыли и чего-то еще, чего Артем не мог определить, но что вызывало у него неприятный холодок под ложечкой.

Первый круг Артем обошел быстро, почти не чувствуя ног. Казалось, он движется не по земле, а по воде, столь непривычно было это ощущение. Тишина леса, казалось, сгустилась, приобретя вес. Каждый шорох, каждый треск сухой ветки под стоптанными ботинками казались угрожающими, чужеродными.

«Давай, Артем, не тормози!» — крикнула Лера откуда-то из тумана. Ее голос звучал все дальше, будто она отдалялась с каждым шагом.

Второй круг. Артем уже чувствовал, как его сознание начинает ускользать, словно он смотрит на мир сквозь толстое стекло. Тени деревьев перестали быть просто тенями; они удлинились, извивались, приобретая пугающие, антропоморфные формы. Ему показалось, что он видит в них лица — неясные, искаженные, смотрящие на него с немым укором.

«Кто-нибудь еще это видит?» — спросил он, но в ответ прозвучало лишь эхо его собственного голоса, искаженное и бледное.

Третий круг. Вот он, камень, снова прямо перед ним. Серый, поросший мхом, он будто пульсировал в полумраке. Артем сделал шаг, оказавшись у его подножия, спиной к туману. Он должен был назвать имя. Имя. Чье имя? Чью душу он должен был призвать?

Внезапно воздух вокруг него закружился. Невидимый вихрь поднял с земли сухие листья, мелкие ветки, заставил туман клубиться с бешеной скоростью. Артем зажмурился, инстинктивно закрывая лицо руками. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Это было не похоже на обычный ветерок. Это было ощущение, будто сам мир пытается его стряхнуть, выплюнуть.

Когда вихрь стих так же внезапно, как и начался, Артем открыл глаза. Лес замер. Тишина стала абсолютной, глухой, давящей. Насекомые смолкли. Птицы не пели. Казалось, даже ветер замер, опасаясь нарушить эту мертвую гармонию.

На перекрестке не осталось ни следа от друзей. Ничьих шагов, ничьих голосов. Лишь серое, безмолвное поле. Артем почувствовал, как по его венам разливается ледяной ужас. Он крикнул: «Макс! Лера! Игорь! Где вы?»

Его голос потонул в бездне тишины. Он бросился вперед, в туман, но наткнулся лишь на стволы деревьев, казавшихся в этой мгле еще более враждебными.

В этот момент из-за того самого массивного, мшистого камня, который Артем только что обошел в третий раз, вышел человек. Высокий, худощавый, с знакомой растрепанной шевелюрой.

«Макс!» — вырвалось у Артема, и он бросился навстречу, забыв на мгновение о страхе.

Но, приблизившись, Артем замер. Движения Макса были чуть более рваными, неестественными, словно марионетка, чьи нити дергал неумелый кукловод. Но самое страшное — его глаза. Они были пустыми, черными провалами, в которых не отражалось ни деревьев, ни тумана, ни Артема. В них было лишь беспросветное, холодное ничто.

«Привет, Артем». Голос был как у Макса, но лишенным какой-либо эмоциональной окраски, словно механический повторитель. «Ты звал, и я пришел».

«Макс? Что происходит? Где остальные?» — голос Артема дрожал.

«Остальные? Они здесь», — он обвел рукой пустоту. «Просто ты их больше не видишь. Они стали частью этого места».

Артем чувствовал, как его охватывает паранойя. «Ты не Макс. Ты кто?»

«Макс», — ответил он.

Он сделал шаг к Артему, и тот невольно отступил. «Ты знаешь...» — начал Артем.

«Знаю», — перебил его Макс. «Знаю, как ты подглядывал за Лерой, когда она купалась прошлым летом. Знаю, как ты украл деньги из кассы школьной столовой, когда был в отчаянии. Знаю, как ты предал Игоря, когда он больше всего нуждался в твоей помощи, оставив его одного перед той собакой. И знаю, как ты завидуешь Макс, то есть мне, моей беззаботности, умению нравиться людям. Я знаю все твои маленькие, грязные секреты, Артем. Все, что ты так тщательно скрываешь от мира и от самого себя».

Артем почувствовал, как его мир рушится. Эти слова, произнесенные тем, кто выглядел как его лучший друг, были как удары кнута.

«Заткнись!», — закричал он, пытаясь заглушить нахлынувшую волну стыда и ужаса.

«Зачем? Ты же сам это сотворил», — усмехнулся Макс, но в этой усмешке не было ничего человеческого. «Ты хотел правды, Артем? Вот она. И она будет тебе напарницей».

Разговор превратился в мучительный допрос. Артем пытался отрицать, оправдываться, но каждый его аргумент разбивался о холодные, бесстрастные слова двойника, словно о скалы. Суть в том, что двойник не пытался нанести ему физического вреда. Его оружием была сама реальность.

«Ты не понимаешь!», — кричал Артем. «Ты — монстр! Ты не можешь так со мной!»

«А ты, значит, можешь?» — двойник поднял руку, указывая на Артема. «Можешь совершать поступки, которые потом стираешь из памяти, из души? Можешь жить, пока другие страдают? Я — это последствия, Артем. Я — то, что ты создал, когда выбрал забыть».

И Артем начал ощущать странное, пугающее изменение. Сначала это было едва заметно. Он попытался вспомнить, как выглядит его мать. И не смог. Ее лицо расплылось, стало размытым, как старая фотография. Затем он попытался вспомнить имя своей собаки, которую любил с детства. Пустота. Ощущение, будто его «Я» — как вода, вытекающая из пробитого сосуда. Это «Я» не просто уходило, оно впитывалось в землю, в сырой мох, в сам перекресток.

«Что ты делаешь?» — Артем в панике пытался ухватиться за ускользающие воспоминания, за ускользающие части себя.

«Я занимаю твое место», — спокойно ответил Макс. «Забираю твою жизнь, твои воспоминания, твою боль. А тебе... тебе я дам новое место, в котором я сам существовал последние кажется 700 лет, если не больше».

Артем почувствовал, как холод проникает в его кости. Его кожа начала грубеть, терять эластичность. Казалось, она покрывается мелкой, колючей травой, а затем — корой. Он видел, как его пальцы утолщаются, вытягиваются, превращаясь в сучковатые ветви.

«Нет!», — это был уже не крик, а хриплый вопль, полный животного ужаса.

«Теперь я стану тобой и займу твоё место, проживу твою жизнь. А ты — будешь охранять ближайший лес и станешь мной — лешием».

Как только последние слова слетели с его губ, лес вокруг Артема ожил. Ветви деревьев, казавшиеся ранее лишь статичными элементами пейзажа, начали двигаться. Они тянулись к Артему, словно скрюченные, костлявые пальцы, пытаясь ухватить его, притянуть к себе. Туман сгустился, становясь гуще, непроницаемое, и из него начало доноситься еле слышное, но многоголосое пение — шепот, перечисляющий грехи Артема, его тайные мысли, его поступки, о которых знал только он сам.

Артем пытался отступить, но ноги его будто приросли к земле. Он видел, как его тело претерпевает чудовищные изменения. Кожа, некогда бледная и упругая, грубела, покрывалась бугристой корой, пронизанной мелкими, колючими ворсинками мха. Его грудь, некогда выпуклая, сжималась, словно ее облепили корни. Ноги, что еще недавно несли его по жизни, теперь превращались в неразличимые от стволов деревьев столбы, уходящие глубоко в землю.

Его сознание, прежде ограниченное рамками человеческого восприятия, начало расширяться, словно безграничный океан. Он чувствовал каждую травинку под собой, каждый листик на ветке, каждый поток воды, бегущий под землей. Он чувствовал боль деревьев, раненных топором, и радость роста, пробившегося сквозь прелую листву. Но эта новая, всеобъемлющая связь с лесом не приносила утешения, лишь усиливала ощущение утраты. Его человеческое «Я», столь хрупкое и уязвимое, истончалось, вытесняемое вековым сознанием леса. Он помнил, что когда-то был Артемом, но этот Артем казался теперь далекой, призрачной тенью, воспоминанием, затерянным среди бесконечной зелени.

Голос его, прежде наполненный юношеской силой, теперь издавал лишь хриплые звуки, смешанные с шелестом листьев. Он хотел кричать, молить о помощи, но из его горла вырывались лишь эти пугающие, неестественные звуки.

Макс же, стал принимать форму самого Артёма. Он стоял неподвижно, наблюдал за трансформацией с безразличным выражением. В его глазах мелькнуло нечто похожее на удовлетворение. Затем он медленно повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь.

На опушке леса, где туман уже начал рассеиваться, его ждали. Макс и Лера, с сияющими от предвкушения глазами, и Игорь, чье лицо выражало смесь страха и любопытства.

«Ну что, Артем?» — спросила Лера, ее голос звучал неестественно звонко. «Расскажешь, что видел?»

Артема, усмехнулся

«Ничего особенного», — проговорил он, но в голосе звучали новые, более глубокие ноты, присущие кому-то другому. «Просто глупые байки. Лес — это просто лес. И никаких призраков тут нет».

Они рассмеялись — смехом, который казался слишком громким, слишком фальшивым для этой тихой лесной поляны. Они пошли дальше, их шаги удалялись, их голоса становились тише, пока не растворились в легком ветерке.

А в глубине леса, там, где деревья сплетались в непроходимую стену, стояла высокая, сгорбленная фигура. Ее глаза — два темных, бездонных оврага, в которых отражалась лишь вечная, сумрачная зелень. Он помнил, что когда-то был Артемом. Помнил тепло солнца на коже, вкус еды, смех друзей. Но теперь эти воспоминания были тусклы, словно покрыты вековым налетом. Голос леса, его вечное, могучее дыхание, звучал в нем сильнее, чем его собственное. Он был на посту. Теперь он — Леший. Вечный хранитель лесных тайн, навсегда прикованный к земле, которую сам и потревожил. И где-то в его сознании, затерянный среди шелеста листвы и скрипа ветвей, таился последний осколок человеческой надежды — что однажды кто-то другой придет на этот перекресток, чтобы занять его место и освободить.

Семь

Ноябрьский ветер, лютый, как старый волк, рвал последние листья с голых веток. Он стелился по бездорожью, вторгался в кабину старенького «УАЗика», заставляя Андрея ёжиться. Молодой историк, двадцати шести лет от роду, обладал теми чертами, что отличают энтузиаста от обывателя: горящие глаза, жажда знаний, и, увы, изрядная доля скептицизма, укоренившаяся в университетских аудиториях. Его целью была деревня Глухомань — место, которое на картах значилось как «особо удаленное», а в старых краеведческих сборниках — как «живой реликт».

Дорога, вернее, то, что ее напоминало, вела его в сердце абсолютной глуши. Лес здесь был иным — не дикой природой, а какой-то древней, спящей сущностью. Деревья, почерневшие от времени и сырости, стояли тесно, их стволы напоминали кости великанов, а переплетение ветвей — скелет, чьи ребра нависали над путником. Андрей, ведомый навигатором, который уже давно бился в агонии, съехал с едва различимой колеи на еще более призрачную тропу.

Он проехал мимо покосившегося телеграфного столба, с обмотанной рыжей проволокой, торчащей из сломанного изолятора. Столб выглядел как раненый солдат, опирающийся на последнюю опору. Андрей подумал, что забыл повернуть, и начал искать глазами знак. Через пятнадцать минут монотонной тряски, среди однообразной зелени, он снова увидел этот столб. Его сердце вдруг забилось быстрее, не от страха, а от какого-то иррационального ощущения неправильности.

— Показалось, — пробормотал он, пытаясь убедить себя.

Он продолжил путь, стараясь сосредоточиться на приборах, на показаниях одометра, на мелькающих деревьях. Но это не помогало. Через еще полчаса, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в цвета ржавчины и гнилой свеклы, он снова увидел его. Тот же столб, тот же изолятор, та же обмотка.

Он резко затормозил. Пыль взметнулась, оседая на шершавую краску капота. Андрей вышел из машины, чувствуя, как подступает мелкая дрожь. Он обошел столб, приглядываясь. Нет, это был тот же самый. Не было никаких следов других столбов, никакой новой маркировки. Как такое возможно?

Андрей сел обратно в машину. Ему нужно было добраться до Глухомани, найти людей, расспросить. Он вернулся на тропу, намереваясь найти другую дорогу, но спустя какое-то время, которое показалось ему вечностью, он снова увидел тот же пейзаж. Те же деревья, та же колея. И впереди, словно насмешка, маячил знакомый силуэт телеграфного столба.

Он заглушил мотор. Тишина, что окутала его, была не просто отсутствием звука. Она была плотной, вязкой, живой. В ней не было пения птиц, ни шелеста ветра, ни далекого шума машин. Было лишь глухое, тягучее ожидание. И этот столб. Словно он был якорем, привязывающим его к этой точке пространства.

— Вы к нам? — голос прозвучал неожиданно близко, низкий, сухой, как шорох опавшей листвы.

Андрей вздрогнул. У края дороги, прямо за столбом, стояла старуха. Она была одета в черное, а ее лицо, иссеченное временем, напоминало печеную картофелину, испещренную глубокими морщинами. На голове — темный платок, туго повязанный под подбородком.

— Я... я историк, — выдавил Андрей, пытаясь вернуть себе самообладание. — Я ищу деревню Глухомань. Мне сказали, что здесь живут старожилы, чьи воспоминания...

— Заблудились, милоч, — перебила она, и ее губы, казалось, не двигались, лишь морщины вокруг них углубились. — Тут дороги — они как мысли. У кого чистые, тот ищет, да находит. А у кого грешные, или просто запутался в себе... тот по кругу ходит. Меня Варварой звать, но все бабой Варей зовут. Пойдем, гостем будешь.

Глухомань оказалась не просто деревней. Это был осколок времени, брошенный в забытом уголке мира. Почерневшие от сырости и вековой копоти избы, словно выросшие в землю, смотрели на мир пустыми глазницами окон. Они стояли на пригорках, будто старые, сторбленные могилы, готовые поглотить каждого, кто ступит на их землю.

Жители, немногочисленные, с сутулыми плечами, с глазами, избегающими прямого взгляда. Они не приветствовали Андрея, лишь провожали его тяжелыми, липкими взглядами, в которых читалось что-то странное... Он чувствовал себя экспонатом, заброшенным в давно забытый музей.

Баба Варя, не задавая лишних вопросов, указала ему на крайнюю избу. Она выглядела заброшенной, но, как заметил Андрей, здесь не было признаков запустения — лишь вековой слой пыли и паутины.

— Здесь жил до тебя один человек, — сказала старуха, сидя на своей веранде и наблюдая, как Андрей распаковывает свои вещи. — Приехал, собирал что-то. Да уехал быстро. Вещи вот оставил. Не стал брать.

В словах Бабы Вари не было ничего подозрительного, но сама ее манера говорить — медленно, будто каждое слово дается с трудом, и при этом всегда с каким-то двойным дном — вызывала у Андрея легкое беспокойство.

Вечером, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, окрасив небо в багровые, кровавые тона, а в воздухе повис запах влажной земли и прелых листьев, Андрей решил осмотреть избу. В углу, у печи, он заметил, что одна из половиц шатается. Он подошел, нагнулся. Половица была не прибита намертво.

Андрей достал из рюкзака небольшой фонарик и нож. С трудом поддев массивную доску, он приподнял ее. Под половицей оказалась небольшая ниша, вырытая прямо в земле. Внутри, в густом слое пыли, лежали семь соломенных кукол.

Его взгляд метнулся к ним. Шесть кукол были ужасны. Скрученные из почерневшей, трухлявой соломы, они рассыпались при малейшем движении воздуха, словно истлевшие останки. Нитки, которыми они были перевязаны, тоже почти сгнили. Они напоминали мумии, погребенные в земле.

Но седьмая...

Андрей замер, забыв как дышать. Седьмая кукла была совсем другой. Она была скручена из свежей, золотистой соломы. На ее лице, выведенном угольком, был отчетливый, странный и пугающий рисунок. И сверху была приклеена прядь волос, такого же цвета, как и у Андрея. А на переносице, будто насмешливая карикатура, красовались крошечные, выгнутые из тонкой проволоки очки, подозрительно похожие на его собственные.

Сердце Андрея сжалось. Он потянулся к кукле, чтобы рассмотреть ее поближе, и тут из-под пола, где-то вдали, донесся шепот. Множество голосов, сливающихся в единый, сухой, шипящий звук, словно ветер, гоняющий пыль по заброшенному амбару.

— Седьмой пришёл... Седьмой пришёл...

Звук усиливался, заполняя все пространство избы. Андрей отпрянул, роняя фонарик. Он почувствовал, как его охватывает ледяной страх, пробирающийся до костей.

Ночь прошла в метаниях. Андрей не спал, прислушиваясь к каждому шороху, ожидая, что соломенная фигурка оживет и вцепится ему в горло. Утром, не выдержав, он вышел из избы, надеясь найти хоть кого-то, кто мог бы объяснить происходящее.

На завалинке у соседнего дома сидел человек. На вид — лет тридцати пяти, с испитым, но еще не совсем сломленным лицом. Он медленно строгал небольшую деревяшку, но пальцы его дрожали, и инструмент то и дело соскальзывал. Это был Игнат, тот, кого жители окрестили «местным дурачком».

Андрей подошел к нему, чувствуя, как адреналин пульсирует в висках.

— Куклы, я видел под...

Мужчина мгновенно поднял голову. Его взгляд был полон такой невыносимой тоски, что Андрея прошиб холодный пот и он резко остановился.

— Не смотри на них, — прошептал Игнат, его голос был хриплым, словно он давно не пользовался им.

— Почему? — Андрей схватил его за плечо, чувствуя, как напряглись мышцы под его тонкой одеждой. — Что это за куклы в подполе? Почему одна из них... похожа на меня?

Игнат попытался усмехнуться, но получилось лишь искажение боли на его лице. — Пятьдесят лет, — произнес он, каждое слово давалось ему с видимым трудом. — Каждые полвека лес требует семерых. Семь душ. Семь судеб. Взамен он выпускает тех, кто был заперт раньше.

— Не понимаю, може...

— Они такие же, как ты, — перебил его Игнат. — Такие же, как я. Мы все были приезжими. Каждый из нас когда-то приехал с добрыми намерениями. А потом... потом лес начал менять дороги.

— Но это бред! — крикнул Андрей, чувствуя, как его рациональный мир рушится. — Я просто сяду в машину и уеду!

Игнат покачал головой. — Ты не уедешь, — сказал он тихим, обреченным голосом. Пока ты не отдашь кого-то взамен, дорога будет возвращать тебя сюда. Снова и снова. К этому столбу. К этой избе.

Андрей почувствовал, как мир вокруг него дрожит. Все его научные знания, вся логика, которую он так ценил, рушились в одно мгновение. Перед ним был человек, чьи слова, какими бы безумными они ни казались, казалось были полны ужасающей правды.

Андрей не мог уехать. Он пытался. Он заводил «УАЗ», проезжал десятки километров, сворачивал, ориентировался по солнцу, по карте, по компасу. И каждый раз, через несколько часов пути, измученный, голодный, с пульсирующей от страха головой, он выезжал на знакомую поляну.

Перед ним, как насмешка, стояла изба Бабы Вари.

Она сидела на крыльце, скрестив руки на груди, и ждала. Ее глаза, обычно мутные, сейчас горели странным, черным огнем, в котором не было ни лукавства, ни добродушия.

— Устал, милоч? — ее голос был ровным, лишенным всяких эмоций. — Поешь. В дороге силы теряются.

Андрей вышел из машины, шатаясь. Его тело было измождено, разум — на грани. Он подошел к ней, глядя прямо в эти пустые, черные глаза.

— Что вам нужно?! — его голос сорвался на крик, полный отчаяния. — Как мне уехать отсюда?!

Баба Варя медленно кивнула. — Мы не можем уйти, пока не приведем новых. Ты — седьмой. Последний.

— Я не понимаю...

— Ты должен просто ждать, как и все мы, пока какой-то путник забредёт в эту глушь. И тогда... тогда ты сможешь уйти.

Слова Бабы Вари звучали как приговор. Андрей почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он осознал ужасающую правду: чтобы спастись самому, он должен обречь другого. На следующее утро Баба Варя ушла из деревни и больше её никто не видел.

Андрей перестал вести записи. Его дневник, некогда полный аккуратных строк, теперь был испещрен бессвязными обрывками мыслей, зачеркнутыми фразами, рисунками тех самых кукол. Он больше не чувствовал себя историком. Он чувствовал себя пойманным зверем, чей инстинкт самосохранения начинает брать верх над разумом.

Он часто смотрел на седьмую куклу. Она изменилась. На ней появилась миниатюрная копия его синей куртки, которую он носил в городе. На ее соломенной руке — крошечный, точно сделанный браслет, такой же, как у него. Она становилась все более похожей на него, но в то же время — все более чужой.

Шли недели, месяцы, годы. Андрей перестал смотреться в зеркало. В отражении он видел старого мужчину. Лишь редкий отблеск в глазах давал ему воспоминания о том, кем он был. О чём он мечтал, кого любил, с кем оборвал связь из-за глупости.

Однажды ночью, когда луна, бледная и безразличная, висела над крышами изб, Андрей услышал гул мотора. Это был мощный двигатель. Сердце, которое, казалось, почти остановилось от бездействия, вдруг забилося с бешеной скоростью.

Он вышел из избы. На краю деревни, в свете фар, стоял новенький внедорожник. Из него вышли двое — молодая пара, смеющиеся, держащиеся за руки. Они вышли, сверяясь с картой, их лица светились юношеским задором и наивностью.

Он подошел к ним. Его голос, некогда звонкий и полный академической уверенности, звучал теперь сухо, как шуршание соломы под порывами ветра.

— Здравствуйте, — сказал он, стараясь, чтобы в голосе не было ни тени подозрения. — Вы, кажется, заблудились? Здесь очень красиво. Вам повезло. Оставайтесь, я покажу вам... я всё расскажу. Здесь такие древние традиции... такая уникальная культура...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.